

Est.1994

JCL

Journal of the College of Languages

Open Free Access, Peer Reviewed Research Journal

<http://jcolang.uobaghdad.edu.iq>

P-ISSN: 2074-9279

E-ISSN: 2520-3517

2021, No.(43)

Pg.220-242

The morphological and syntactic grammars of the category of temporality

Asst. Professor Firdos Karim Boraihi (Ph.D.)

E-mail: fardos@colang.uobaghdad.edu.iq

University of Baghdad, College of languages, Department of Russian language,
Baghdad, Iraq.

(Received on 12/7/2020 - Accepted on 6/9/2020 - Published on 2/1/2021)

DOI: <https://doi.org/10.36586/jcl.2.2021.0.43.0220>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Abstract

The present paper discusses morphological and syntactic structures of time in Russian language. The morphological and syntactic structures are considered part component of time category in Russian language.

The morphological categories of time are formed through a various types of expressions .Tenses generally express time relative to the moment of speaking. In some contexts, however, their meaning may be relativized to a point in the past ,present or future which is established in the discourse .Some languages have different verb forms or constructions and that are opposed in meaning not in syntactic category. Hence, the present study traces and compares the syntactical and morphological categories of time that connects the sentence with the reality of the actual time.

Keywords: Grammars, time categories, time category, morphological time category, means of formal expressions, forms of time verbs, syntactic category of time, sentence, modality, predications.

Морфолого-синтаксический состав категории темпоральности в русском языке

канд. филол. наук доцент др .Фирдевс Бураихи Карим
fardos@colang.uobaghdad.edu.iq
Багдадский университет, факультет языков, Кафедра русского языка.

Аннотация

В статье проанализированы морфологические и синтаксические граммы категории темпоральности, определен их статус в составе этой категории. Отмечено, что морфологическую категорию времени формирует система формальных средств выражения настоящего, будущего и прошлого времени, особенный статус прошлого времени (давно минувшего) влияет на проблематичность его определения. Акцентировано внимание на том, что глагольные формы времени, противопоставляясь между собой временными значениями, при этом не противопоставляются по синтаксическими свойствам. Прослежена особенность синтаксической категории времени, состоящая в сравнении с морфологической категорией глагольного времени. Прослежено, что в синтаксисе, в структуре его основной единицы – предложении, категория времени одновременно с категориями osoby и модальности является средством реализации предикативности, связывая высказывания с действительностью и реальным временем.

Ключевые слова: граммы, категории темпоральности, категория времени, морфологическая категория времени, формальные средства выражения, глагольные формы времени, синтаксическая категория времени, предложение, модальность, предикативность.

Постановка проблемы. Языку свойственна темпоральная многовекторность, поэтому в нем реализованы все временные сферы

бытия – прошлое, настоящее и будущее. Специализированными средствами выражения категории времени в языке (в русском и в других славянских) являются формы глагола, которые обобщают ее функционирование, но не всегда адекватно и полно передают объективное время протекания действия. Временную продолжительность действия / события в языке и речи передают и за пределами глагольной системы – с помощью лексических маркеров времени, семантики временных предлогов и наречий, предложно-падежных форм, особых синтаксических конструкций, контекста и интонации. Все эти средства в разнородности форм и возможностей выражения составляют многомерную категорию темпоральности, которая репрезентируется в виде системы граммем – *семантико-синтаксических* (граммемы обозначенной / неопределенной одновременности, обозначенной / неопределенной преемственности, обозначенной / неопределенной предварительности), а также *граммем морфолого-синтаксической природы*, которые являются объектом предлагаемого исследования.

Описание и анализ статуса и структуры категориальных единиц, а среди них – темпоральных принадлежит к актуальным проблемам теоретической грамматики. Широкое истолкование времени интегрирует комплекс временных значений, поэтому требует четко выраженной дифференциации и определения его составляющих. Особенности каждого из компонентов темпорального комплекса и различные аспекты их взаимодействия целесообразно проанализировать в рамках целостной системы. Указанный подход к такому анализу основывается на положениях современных функционально-грамматических исследований, а предлагаемая статья

освещает одну из сфер проявления времени в языке – взаимодействие временных граммем в плоскости грамматики и синтаксиса.

Анализ последних исследований и публикаций. Интерес к исследованию категории темпоральности, на наш взгляд обусловлен антропоцентрической парадигмой в языкознании в целом, и особым постмодерным переосмыслением всей полисистемы связей человека и реальности, отображаемой в языковой ткани. Так, интерес к индивидууму, создающему формы для положенного смысле, – высказывания, – это, прежде всего интерес к осмыслению всей множественности и системности потенциальных и актуальных связей между всеми явлениями языковой ткани. Последнее, в свою очередь, продуцирует новое переосмысление отношений, формирующих предложение как базисную синтаксическую единицу.

Попытку осмысления всей множественности антропоцентрического взгляда на феномен языка в плоскости теории синтаксиса мы находим в работах таких ученых как: В. Виноградов, В. Гумбольдт, О. Есперсен, Ш. Балли, Э. Бенвенист, Г. Гийом, А. Потебня, А. Пешковский, Л. Щерба и других. Отдельно стоят работы, посвященные грамматическому значению предложения, реализуемые в ветви предикативности, в частности говорится о исследованиях: Н. Арутюновой, В. Банару, В. Богданова, Т. Булыгиной, В. Виноградова, В. Гак, Г. Золотовой, С. Ильенко, Г. Колшанского, Е. Кубряковой, П. Лекант, Т. Ломтева, Т. Николаевой, Е. Падучевой, А. Пешковского, В. Панфилова, И. Распопова, Г Райхель, М. Стеблин-Каменского, Ю. Степанова, Н. Шведовой, Т. Шмелева, В. Юрченко и других.

Цель исследования – проанализировать морфологические и синтаксические граммы категории темпоральности, определив их статус в составе этой категории. *Гипотеза* – морфологическую категорию времени формирует система формальных средств выражения настоящего, будущего и прошлого времени, особенный статус прошлого времени (давно минувшего) влияет на проблематичность его определения.

Изложение основного материала. Вышеизложенное репрезентирует отсутствие единого подхода в понимании статуса категории темпоральности. Последнее объяснимо посредством того, теория грамматического значения является методологией лингвистика, в то время как методология сама по себе соотносима с социальным заказом, который характеризуется изменчивостью. Кроме того, термин предикативность, связанный с упомянутой проблематикой, имеет логическое происхождение, что ставит перед исследователями языковой полисистемы вопрос о соотнесенности категориальной языковой структуры и, собственно, мышления как такого.

Также важно понимать, что само толкование предикативности в качестве отношений между субъектом и предикатом суждения, подлежащим и сказуемым, как акта соотнесенности мысли и действительности (хотя логичнее было бы сказать индивидуального языкового сознания и коллективного), отличительного свойства означаемого предложения, отношения между данностью и новизной и тому подобного ведет к флуктуативности (колебательности) его терминологического и понятийного аспекта бытования.

В качестве исходной гипотезы нашего исследования автор кладет концепцию В. Виноградова, определяющего предикативность

как соотношенность сообщаемого в его предложении фактологического компонента к непосредственно онтологической реальности. Последний (фактологический компонент) детерминируется в частных значениях модальности, синтаксической темпоральной шкале и синтаксического лица.

Таким образом, основой грамматического значения предложения ученый положил отношения излагаемой информации к действительности. Это, в свою очередь репрезентирует максимально адекватно соотношенность предложения в качестве единицы языка и речи с внутренним состоянием индивидуума и средой, в которой последний бытует.

При этом такое понимание предикативности как некоего процессуального события мира внутреннего и внешнего для индивидуума позиционирует этот феномен как нечеткий и размытый в границах своего функционирования. Так, собственно, само отношение говорящего, то есть индивидуума, к онтологической реальности, среде, где он бытует, кроме локализации в плоскости модальности, а также некоего синтаксического времени и лица, репрезентируется в самом бытовании последнего. Тут идет речь о том, что индивидуум находится в неких отношениях со своим собеседником и определенной темпоральной протяженности в излагаемой им информации, репрезентирующему некий фрагмент действительности [3].

Физические временные признаки линейности, протяженности, сегментности, векторности отражены в категориях времени глагола, выступающего предикатом на семантико-синтаксическом уровне предложения. Содержательной основой грамматического времени является осознание человеком понятие соотношенности действия в

момент речи. Момент речи, который является точкой отсчета локализации действия / состояния на временной оси, является единственным в языковом отображении событий ориентиром, по которому говорящий локализует действие в одном из трех временных планов: настоящем, прошлом или будущем [9, с. 165].

Отметим, что момент речи, точно не очерченный ни в физическом плане, ни в психологическом, в языке остается единственным ориентиром, единственной точкой на временной оси, относительно которой определяем временное значение глагольной формы. Этот тезис отстаивает А. Исаченко, отмечая, что точка на оси времени, разделяющая «прошлое» от «еще не прошлого», в языке превращается в точный «средство» стратификации, с помощью которого говорящей сегментирует время [6, с. 421–422]. При этом момент речи можно позиционировать как абстрактную грамматическую точку отсчета, которая воспринимается как временный ориентир для локализации «Я» говорящего и «Другого». Так, говорящий может быть параллелен с этой точкой отсчета, предшествовать ей или быть спродуцированным им.

Тут мы говорим про внешние характеристики времени в качестве общего осознаваемого факта, поскольку внутренние находятся в сфере категории аспектуальности. При этом последнюю следует позиционировать в качестве характерной черты виртуального процесса с точки зрения содержания осознаваемого факта. Таким образом, вычленение грамматической категории времени представляется выражением временной соотнесенности событий, происходящих в объективной действительности. То есть время и вид

изначально выступают изначально взаимосвязанными категориями, имеющими общую сему времени, объединяющую их.

Функционально-семантическую внешнюю- и внутреннетемпоральную систему составляют следующие компоненты: морфологическая категория времени глагола, синтаксическая категория времени предложения, категории таксиса и аспектуальности. Категорию времени традиционно определяют как служащую внешней локализации течения продолжительности действия на временной шкале. Категория вида характеризует внутреннюю сторону действия, ситуации, определяя способ их течения. Морфологическое время предстает в системе противопоставленных друг другу рядов морфологических форм. При этом термин «форма», принятый в языкознании, определяет единство значения и средств его выражения. Таким образом, форма предстает в качестве типа, строения, способа организации чего-либо; внешнего проявления какого-либо явления, связанного с его сущностью, содержанием [3, с. 13–28].

Морфологическая категория времени указывает на взаимоотношения дифференциально-семантических признаков (не конкретизированное действие и грамматический момент речи), которые одновременно являются отражением реального действия и реального коммуникативного процесса. Основным условием выделения морфологической категории, по мнению многих лингвистов, является наличие оппозиции, противопоставления друг другу рядов форм в пределах того же семантического содержания [4, с. 3–16].

Морфологическую категорию времени наиболее полно представляет глагол как признаковый динамический компонент – часть

речи, в которой морфологическое выражение времени реализуют формы индикатива. Эта категория относится к словоизменительной, поскольку охватывает формы слов с тождественным лексическим значениям, которые, тем не менее, различаются семантикой этой категории.

Заметим, что время нередко выражено и в других частях речи (не в глаголе), и этот способ обозначения часто бывает более точным, чем обозначения времени с помощью глагольных форм [5, с. 297]. Например, лексико-синтаксическая категория датировки возникает как одно из выразительных средств принадлежности события к определенному временному интервалу. Функция датировки выражена синтаксемами, в состав которых входят имена числительные и имена существительные в родительном или именительном падеже без предлога, с предлогами *в*, *от*, *близко* (со значением приблизительности). Наиболее часто в таких предложениях функционируют формы будущего и прошлого времени. Конкретная датировку (собственно датировку) выражает лишь специальная терминологическая лексика: *Еще в 2014 году я потерял паспорт, что заставило меня заняться оформлением нового; Алексей Павлович еще в 19-20 годах забросил свою специальность и ушел работать в банк менеджером; В середине 90-годов прошлого столетия бабушка оформила пенсию* и так далее.

Противопоставление глагольных форм действительного способа по указанной точке отсчета реализуется в грамматических формах настоящего, прошедшего и будущего времени, функционирующих как частичные категории общей морфологической категории времени. Грамматическую категорию моделируют грамматические формы,

которые образуют ее парадигму. Парадигмы предложений является способом реализации синтаксических и морфолого-синтаксических категорий предложения.

Временную парадигму предложения образует вся совокупность его форм, воспроизводящих синтаксическую категорию времени, а ее членами являются различные структуры, допускающие в своем составе различное количество темпоральных форм глагола [7, с. 69]. Временная локализация действия отличается в системе уже закрепленных противопоставляемых (парадигматических) форм, объединяемых общей идеей времени.

Грамматическая категория времени выражает временную последовательность событий, которые происходят в объективной действительности или мыслятся такими, которые могут произойти. Ее реализуют взаимно противопоставляемые граммы настоящего, прошедшего и будущего времени. Термин «граммема» введен американскими лингвистами, которые начали направление дескриптивизму – ответвления психолингвистики; они использовали его для обозначения грамматических значений в качестве компонентов грамматической категории. Объяснением послужило то, что различные граммы одной категории исключают друг друга и не могут быть одновременно выражены в одном слове.

В противовес пониманию граммы как только смысловой величины, то есть элементарной единицы грамматического значения, возникает диалектический подход к ее описанию. Русский языковед А. Бондарко наделяет это понятие двусторонней сутью, имеющей план содержания и план выражения, ученый определяет также грамму как составляющую морфологической категории [2, с. 24–26], описывает

граммемы функционально-семантических полей [2]. Единство грамматического значения и соотнесенного с ним формального показателя образует двустороннюю речевую единицу, грамматический знак, то есть, собственно, *граммему*.

Это понятие близко к «формальной категории» А. Пешковского [8, с. 21], который отмечает, что граммемы являются своеобразной формальной величиной, представляя собой ряд форм, отличных по своим формальным частям, но совершенно одинаковых по одним каким-либо значениям [8, с. 24]. В научной литературе эквивалентами выступают также понятия *разряда грамматической категории*, *грамматической формы*. Вопрос граммемного состава категории темпоральности может быть решен через граммемный подход к изучению синтаксических категорий предложения, что позволит различать граммемы одновременности и разновременности.

Грамматическая морфологическая категория является не только системой оппозиций элементарных грамматических значений, но и системой противопоставлений граммем как двусторонних сущностей, наделенных собственным (стандартным) потенциалом обозначений. Заметим, что отсутствие такого противопоставления граммемы определенного вида в языке свидетельствует об отсутствии соответствующей грамматической категории.

Так, в формальной структуре грамматической категории грамма представлена как один из противопоставляемых друг другу рядов грамматических форм, наделенных тем же значением. Основным структурным типом граммы является череда морфологических форм, объединенных значением одного из компонентов грамматической категории, формирующих морфологическую

категорию. При этом граммы являются компонентом грамматической категории, то есть видовым понятием по грамматической категории – родового понятия.

Последнее связано с тем, что грамма выступает минимальной, далее неделимой категориальной единицей, непосредственно подчиненной категории [3]. В свою очередь, категории различаются совокупностями присущих им грамм. Как и грамматическая категория, граммы сочетает в себе грамматическое значение и средства его выражения. Категория глагольного времени составляет грамматическое ядро темпоральности и выступает системой противопоставленных друг другу рядов грамматических форм, которые выражают отношение действия к моменту речи.

Если интерпретировать течение действия-признака по речевым параметрам начала и конца речи, то категория времени является интерпретационным коммуникативным признаком предложения. Таким образом, локализация, которую выражают глагольные временные формы, может взаимодействовать с подробным указанием времени значения с помощью лексических или синтаксических средств (например, обстоятельств времени в простых осложненных предложениях и союзы в сложных сложноподчиненных предложениях).

То есть временная парадигма глагола в прямом смысле определяет событие (процесс, состояние) непосредственно относительно момента речи как *одновременное* (настоящее время), *предварительное* (прошедшее время) и *последующее* (будущее время). При относительном же функционировании (например, в придаточных предложениях) действие-признак ориентировано во времени

относительно действия-признака главной части и входит в другую категориальную величину – *таксис*.

Отметим, что вышеупомянутое понятие находит совершенно различное толкование среди ученых. Так, Р. Якобсон выделяет таксис как категорию, характеризующую сообщаемый факт в отношении к другому факту и безотносительно к факту самого сообщения [11, с. 101]. Заметим, что термин «факт» ученый употребляет параллельно со понятиями «событие», «действие» и «ситуация». А. Бондарко описывает таксис как функционально-семантическую категорию, базирующуюся на взаимодействии семантических элементов различных языковых уровней: *морфологического* (видовые оппозиции), *лексико-грамматического* (предлоги, наречия, союзы), *синтаксического* (определенные типы полипредикативных предложений) [1; 2].

Таксис как функционально семантическое поле можно позиционировать как синтагматически-моделируемую категорию, передающую характеристику упорядоченности реального значения времени в парадигме «ранее – далее – одновременно». Этот феномен характеризует соотношение действий, событий, процессов, обозначаемых в предложении, во времени относительно друг друга. Это синтаксическая категория, поскольку семантика и признаки таксиса вне предложения не существуют. Его значение выражает отношение между процессами, а формой является совокупность различных элементов предложной структуры, в частности видо-временные формы главного и зависимого глаголов (или их отсутствие у зависимого глагола и лексического значения главного глагола).

Упомянутую смысловую структуру предложения можем определить как выражение характера течения и распределения глагольных процессов во времени относительно друг друга. То есть таксис является сообщаемыми фактами (ситуациями, действиями), которые соотнесены исключительно друг с другом как отраженные в языке объективные данные (например, *встать и подойти; сидеть и писать - встав, подошла; сидя за столом, писала*). Основной семантической характеристикой таксиса является как раз временная соотнесенность события подчиненного предиката (глагольного или неглагольного) с главным событием безотносительно к моменту речи (определяем таксисную сему упорядоченности – от первичного значения «таксис – порядок»). Категориальное значение глагольных форм настоящего времени выражает процессный признак, продолжительность которого совпадает с моментом речи. Это значение содержится в указании на отнесенность ситуации к настоящему времени, определяемая как «теперь» в наиболее широком и самом общем смысле.

Семантическое ядро настоящего времени – это настоящее время; значение же не собственно настоящее (расширенное) касательно к нему. Граммему настоящего времени составляют только глаголы несовершенного вида (НВ), она выражает временную признак действия, соотносится с моментом речи. Грамматические формы настоящего времени в прямом употреблении реализуют два значения: *детерминированное*, когда действие происходит в определенный временной промежуток (сегодня, ныне, сейчас) и *недетерминированное*, когда действие происходит безотносительно временных границ: оно может быть уточнено наречиями *всегда, постоянно*. Настоящее

актуальное время обозначает реальное совпадение выполнения действия или продолжение состояния с моментом речи, это выражение конкретной временной локализации.

Центральное расположение граммы настоящего времени в совокупности временных грамм влечет ее проникновения в другие граммы. Внутренняя подвижность временных значений настоящего приобретает за счет внешней подвижности, а потому формы настоящего времени глагола переносятся в смысловую сферу прошлого и будущего. Глагольные формы настоящего времени в определенных контекстах теряют свои первоначальные категориальные функции и передают вторичные значения, например, когда глагол настоящего времени обозначает действие, касательно прошлого. Так, формы настоящего времени широко употребляются в значении будущего, на временной план повествования часто указывают *временные актуализаторы*.

Отнесение настоящего действия в план будущего способствует употреблению лексем по примеру *завтра, за сутки, через час, на днях*. И наоборот, для понимания действия в горизонте будущего достаточно отсутствия тех особых условий, которые необходимы для выражения настоящего в смысловой сфере будущего. Типичной транспозиционной функцией граммы настоящего времени является ее переход в прошлое (настоящее историческое), когда настоящее время актуализирует реально прошедшие события.

Форма настоящего-будущего совершенного вида (СВ) может выступать в функции настоящего исторического; будущего исторического, когда говорящий заранее предусматривает результат действия в будущем. Отметим, что реализация очерченных значений

требует *особых синтаксических условий* – либо сложных предложений, либо предложений с дополнительными конкретизаторами и тому подобных.

Прошедшее время – форма глагола, прямым значением которой является указание на то, что действие или состояние происходили, или произошли к моменту речи о нем или завершились в данный момент. Глаголам в форме прошедшего времени свойственно различия совершенного и несовершенного вида. Значение форм прошедшего времени зависит от их видовых характеристик, поскольку в основе видовой оппозиции сохраняется семантико-грамматический признак целостности действия, границы его течения – завершение.

Прошлое время СВ передает перфектное и аористическое значения. Основной функцией прошедшего времени НВ является изображение действия в ходе, без ориентации на начало и конец. Основной функцией граммы прошедшего времени СВ является выражение факта прошлого действия, которое состоялась и результат которого продолжается в момент ее описания; это осуществленный результат, который проходит в момент речи и даже охватывает его. По сравнению с граммами настоящего времени, граммы прошедшего времени однозначны, а незначительные отклонения от абсолютного употребления форм прошедшего времени НВ (например, направление в сферу настоящего времени в случаях так называемого иронического отрицания действия и вневременного пренебрежительного отношения к чему-либо) не разрушают ее семантической стабильности.

Прошедшее время имеет наиболее ограниченный транспозиционный потенциал, потому что его форма НВ выражает только собственную временную семантику, а форма СВ – изредка

значение будущего времени СВ или настоящего времени. Применение форм прошедшего времени в функции будущего связано с воображаемым переносом будущего действия в прошлое: еще не реализовано будущее действие тогда представляется как уже осуществленное. Формы прошлого, транспонируясь в будущее, в таких вторичных функциях могут обозначать ближайшее будущее или немедленное настоящее. Контекст в этом случае имеет решающее значение для восприятия действия таким, каким оно заложено в коммуникативном задании (в цели высказывания).

Граммема будущего времени как категориальная морфологическая величина представляет собой совокупность подграммем будущего СВ, а будущего – НВ. Подграммаема СВ может выражать детерминированное и недетерминированное значения в зависимости от взаимодействия с наречной семантикой времени. Основным значением форм будущего времени выступает выражение процессуальных признаков, реализуемых как действия или состояния после момента речи. Синтаксическое функционирование форм будущего времени СВ характеризует многообразие модальных оттенков (при особых синтаксических условиях эти формы могут выражать значение настоящего времени и переноситься в план прошлого).

Отметим, что вторичные значения свойственны формам будущего времени, образованных от глаголов СВ, их употребляют для обозначения регулярно повторяющихся, типичных (вневременных) процессов. Особенно отчетливо выступают формы будущего времени для обозначения прошлых действий, сопровождаясь экспрессивно-эмоциональными характеристиками, внезапностью течения,

повторяемостью или интенсивностью. Будущее время часто применяется для прогнозирования или догадки, что имеющих отношение к настоящему Реализация дополнительных значений будущего в предложении возможна благодаря синтаксическим условиям – *вставным словам, лексическим конкретизаторам* и тому подобное.

Совокупность временных значений является необходимым компонентом предикативной оси предложения, а одно из временных значений – формой его существования. Категория времени, вместе с категорией модальности и, частично, особы, принадлежит к тем синтаксическим категориям, которые системно создают характерный для каждого предложения семантико-грамматический момент соотнесенности содержания предложения с действительностью (то есть предикативность, которую в языкознании определяют как категорию, формирует предложение, предоставляя его содержанию характер сообщение о том или ином факте реальной действительности [8: 920]).

Морфологическая категория времени, безусловно, выступает в инвариантной позиции, но она не передает всей смысловой структуры категориальных функций в различных вариантах предложений. Последнее связано с тем, что *время* – категория глагола, являющаяся отражением объективного времени и служащая для темпоральной локализации действия, состояния, события. Подобная локализация является *дейктической*, то есть соотнесенной прямо или косвенно с реальным или мнимым временем. Она заключается в указании на одновременность, предварительность или последовательность события (факта), действия относительно момента речи, а при относительной

временной ориентации – на некую другую точку отсчета, например, в сложноподчиненных предложениях.

В основе синтаксической категории времени лежит категория времени глагола, членами ее выступают различные структуры предложения, допускающие в своем составе различное количество его форм. Как вариант категория времени предложения (синтаксическая) базируется на фактах расхождения значения времени глагола, употребленного в предложении, со временем, выраженным в предложении другими формами. Речь идет о транспозиции глагольных форм, когда глагол выступает в форме настоящего времени, а в предложении реализует, например, семантику прошлого или будущего.

Синтаксическая категория времени, выступая как соответствующая детерминанта – его признак, оказывается во внутренне-временных и внешне-временных взаимодействиях с проекцией на взаимодействие временных значений в категориях способа и вида. Морфологическая временная парадигма глагола относится к отражательная-дейктическим морфологическим категориям и выступает доминантой синтаксической категории предложения. При этом последняя является категорией отражательно-интерпретационной, поэтому временные семы синтаксических категорий обнаруживаются и в парадигме способа, и вида [3].

Между морфологической категорией времени глагола и синтаксической категорией времени предложения существует сложное взаимодействие, но не равнозначность. Временную парадигму предложения образует вся совокупность форм предложения, воспроизводящих синтаксическую категорию времени. Она направлена, прежде всего, в сферу речи, поскольку определяет

значение времени относительно момента речи. То, что синтаксическая категория вместилище по морфологической категории времени, подтверждено, по мнению Н. Шведовой, большей сложностью и многообразием синтаксических временных значений, а также возможностью выражать эти значения конструктивно-синтаксическим способом в безглагольных предложениях [10, с. 149]. Синтаксическое время ярко представлено в конструкциях со значением настоящего времени, сопоставимых с моделями, содержащими формы *был, будет*. Сюда же можно отнести синтаксические конструкции с модальным значением, которые связывают темпоральную отнесенность ситуации или одного из ее компонентов к будущему: *Позволь другом стать*.

Вывод. Таким образом, в морфологии категорию времени составляет система формальных средств выражения значений настоящего, прошлого и будущего. Глагольные формы времени, противопоставляясь между собой временными значениями, при этом не противопоставляются по синтаксическими свойствам. Синтаксическую категорию времени характеризует сложность и многообразие временных значений по сравнению с морфологической категорией глагольного времени. В синтаксисе, в структуре его основной единицы – предложении, категория времени одновременно с категориями osoby и модальности является средством реализации предикативности, связывая высказывания с действительностью и реальным временем.

Список использованной литературы

1. Бондарко А. В. О функционально-семантических микрополях и граммемах в процессе речи / А. В. Бондарко // Русский язык за рубежом. – 1969. – № 12. – С. 38–45.

2. Бондарко А. В. Граммема и морфологическая категория / А. В. Бондарко // Юбилейная научно-методическая конференция Северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. Программа и краткое содержание докладов (27 янв. – 1 февр. 1969 г.) / отв. ред. А. Г. Руднев. – Ленинград : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1969. – С. 24–26.
3. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) / В. В. Виноградов // История советского языкознания : Некоторые аспекты общей теории языка : Хрестоматия. – Москва : Высш. школа, 1981. – 451 с.
4. Докулил М. К. К вопросу о морфологической категории / М. К. Докулил // Вопросы языкознания. – 1967. – № 6. – С. 3–16.
5. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен ; пер. с англ. – Москва : Изд-во иностран. лит., 1958. – 404 с.
6. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. – Братислава : Изд-во Словацкой АН, 1960. – 580 с.
7. Ким Е. О. Анализ категории таксиса в предложениях с глаголами памяти / Е. О. Ким // Синтаксическая семантика конструкций с предикатными актантами. – Иркутск, 1998. – С. 239–262.
8. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Москва : Учпедгиз, 1963. – 246 с.
9. Русская грамматика : в 2 т. – Praha : Academia, 1979. – Т. 1. – 664 с.
10. Шведова Н. Ю. Русский язык. Язык значения в функциональном и эстетическом аспектах. – Москва : Наука, 1987. – 191 с.
11. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – Москва : Наука, 1972. – С. 95–113.

References

1. Bondarko A.V. on functional-semantic microfields and grammemes in the process of speech / A.V. Bondarko // Russian language abroad. - 1969. - no. 12. - Pp. 38-45.
2. Bondarko A.V. Grammemata and morphological category / A.V. Bondarko // anniversary scientific and methodological conference of the North-Western zonal Association of Russian language departments of pedagogical institutes. Program and summary of reports (January 27 – February 1, 1969) / ed.by A. G. Rudnev. Leningrad: Herzen state research Institute, 1969, Pp. 24-26.
3. Vinogradov V. V. Basic questions of sentence syntax (based on the material of the Russian language) / V. V. Vinogradov // History of Soviet linguistics : Some aspects of the General theory of language: a textbook. – Moscow : High school, 1981. - 451 c.
4. Dokulil M. K. To the question of the morphological category / M. K. Dokulil // Questions of linguistics. - 1967. - № 6. - P. 3-16.
5. Espersen O. Philosophy of grammar / O. Espersen; TRANS. from English-Moscow: publishing house of foreign lit., 1958. - 404 p.
6. Isachenko A.V. Grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak. Morphology. - Bratislava: publishing house of the Slovak Academy of Sciences, 1960. - 580 p.
7. Kim E. O. Analysis of the taxi category in sentences with memory verbs / E. O. Kim // Syntactic semantics of constructions with predicate actants. Irkutsk, 1998, Pp. 239-262.
8. peshkovsky a.m. Russian syntax in scientific coverage / a.m. peshkovsky. - Moscow: Uchpedgiz, 1963. - 246 p.
9. Russian grammar : in 2 vols. - Praha: Academia, 1979. - Vol. 1 – - 664 p.
10. Shvedova N. Yu. Russian language. The language of meaning in functional and aesthetic aspects. Moscow: Nauka, 1987, 191 p.
11. Jakobson R. O. Shifters, verbal categories and Russian verb / R. O. Jakobson // Principles of typological analysis of languages of various systems. - Moscow: Nauka, 1972. - Pp. 95-113.

About the author

Name: Firdews Kareem Buraihi, Academic degree: Assistant Professor

Specialty: Russian Language Position: Teaching

Work address: College of Languages / Department of Russian Language

Languages: Arabic, Russian, and English

Email: Fardos@colang.uobaghdad.edu.iq

2012 Voronezh State University College of art PhD

Scientific research in the field of specialization for the service of the environment and society or the development of education. The year Place of publication search title

2007-2017 Voronezh State University Several researches published in the Russian

Federation.2012-2021 Iraq Several researches in the Journal of the College of

Languages and in the House of Wisdom

Об авторе:

канд. филол. наук доцент- др .Фирдевс Бураихи Карим

Багдадский университет, факультет языков, Кафедра русского языка.

fardos@colang.uobaghdad.edu.iq

التركيب الصرفي والنحوي لفئة الزمان في اللغة الروسية

ا.م. د. فردوس كريم بريهي

جامعة بغداد - كلية اللغات - قسم اللغة الروسية

خلاصة البحث

يتناول هذا البحث التركيب الصرفي والنحوي لفئة الزمان في اللغة الروسية ، ويتم تحديد مكانة التركيبين جزء فئة الزمن. ويلحظ أن الفئة المورفولوجية للزمن تتشكل من خلال نظام من الوسائل الشكلية للتعبير عن المضارع والمستقبل والماضي ، ويمتلك الماضي التام وضع خاص حيث يؤثر على مشكلة صعوبة تحديده. و يتركز الانتباه على حقيقة أن أشكال ازمان الفعل تتعارض فيما بينها بمعانيها الزمانية الا انها لا تتعارض بخصائصها النحوية. ويتم هنا تتبع ميزة الفئة النحوية للوقت ، والتي تتم مقارنتها مع الفئة المورفولوجية لزمان الفعل. حيث ان فئة الوقت بالتزامن مع الفئات الاخرى هي وسيلة لتنفيذ الخبر ، وربط العبارات بالواقع والوقت الحقيقي.

الكلمات المفتاحية: القواعد ، الفئات الزمنية ، الفئة الزمنية ، الفئة المورفولوجية للوقت ، الوسائل الشكلية للتعبير ، أشكال الفعل من الزمن ، الفئة النحوية للوقت ، الجملة ، الطريقة ، التوقع. يشار الى أنه في النحو و في بناء الجملة